

А. В. Ганин¹

ВОЕННО-ПОЛЕВОЙ СУД ПРИ ШТАБЕ ОРЕНБУРГСКОГО ВОЕННОГО ОКРУГА (1918–1919 ГГ.): ИСТОРИЯ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Непредвзятое изучение острой и политизированной темы террора периода Гражданской войны в России 1917–1922 гг. невозможно без самого тщательного анализа документации репрессивных органов сторон. Южный Урал был регионом, где Гражданская война отличалась значительной жесточенностью. Разумеется, вопрос о терроре в тех краях, его масштабах и особенностях представляет большой общественный интерес. К сожалению, этот вопрос даже в региональном аспекте подвергся сильнейшей политизации и искажениям в силу того, что многие авторы не стремятся к глубокому изучению проблемы террора на основе архивных документов, а пытаются навязать аудитории собственные представления, не подкрепленные сколько-нибудь серьезным анализом источников, и откровенно спекулируют на этой непростой теме.

Как известно, летом 1918 г. на Южном Урале (прежде всего, на территории части Оренбургской губернии и в ряде прилегающих местностей) был установлен антибольшевистский режим казачьего атамана А. И. Дутова. В монографии об оренбургском атамане, опубликованной в 2006 г., автор этих строк впервые на основе архивных документов опроверг пропагандистский миф со-

---

¹ Ганин Андрей Владиславович — ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН, доктор исторических наук.

ветской эпохи о том, что здесь возник террористический режим, угнетавший местное население². Солидарность с такой оценкой позднее выразил авторитетный оренбургский историк, специализирующийся на этом периоде, Д. А. Сафонов³. Представляется, что этот тезис, основанный на масштабном изучении документации федеральных и региональных архивов, носит консенсусный характер и является документально верифицируемым. Однако попытки исторического ревизионизма, осуществляющиеся без опоры на репрезентативную источниковую базу и ее тщательный критический анализ, вынуждают вновь вернуться к вопросу о терроре Гражданской войны в Оренбуржье, но уже на более глубоком уровне погружения⁴.

Сохранившаяся документация карательных органов белых позволяет осуществить детальный анализ репрессивной практики некоторых из этих учреждений. В частности, военно-полевого суда при штабе Оренбургского военного округа. В Российском государственном военном архиве (РГВА) имеется два неполных фонда оренбургских военно-судебных учреждений, действовавших при белых — Военно-окружного суда Оренбургского военного округа (Ф. 39742) и Военно-полевого суда оренбургского гарнизона (Ф. 39657). В общей сложности это 24 единицы хранения, среди которых сохранились списки фигурантов дел, вынесенные приговоры, переписка судов, а также отдельные следственные дела. Названия фондов не вполне отражают их содержимое, поскольку в первом из них содержатся в основном документы военно-полевого суда при штабе округа, а во втором документы обоих военно-полевых судов. Отдельные материалы сохранились в других фондах.

Делопроизводство военно-полевого суда при штабе округа велось достаточно хаотично — не у всех приговоренных к смертной

---

² Ганин А. В. Атаман А. И. Дутов. М., 2006. С. 359–373.

³ Сафонов Д. А. Факел над бездной: Революция 1917 года и Гражданская война на Юго-Востоке Европейской России. Оренбург, 2017. С. 262.

⁴ См. наши публикации по этому вопросу: Ганин А. В. Статистика заключенных Оренбургской губернии под властью белых (1918–1919) // Гороховские чтения: материалы восьмой регион. музейн. конф. / Сост., науч. ред. А. Э. Алакшин. Челябинск, 2017. С. 52–65; *Он же*. Оренбургские тюрьмы в 1920 г. (по материалам обследования мест заключения Киргизского края) // Девятые Большаковские чтения. Оренбургский край как историко-культурный феномен. Сб. ст. Оренбург, 2018. С. 172–176; *Он же*. Казаки сдали своих. Трагическая история семьи Михайловых на фоне братоубийств, в которые страна погрузилась столет назад // Родина. 2018. №4. С. 129–133.

казни указывались номера дел, а при отсутствии имен идентификация личности этих людей представляет самостоятельное расследование. Тем не менее на основе этих документов автором составлена база данных по фигурантам дел военно-полевого суда, что позволило проанализировать характер и масштабы его деятельности.

Военно-полевой суд начал работать сразу по занятии Оренбурга восставшими против красных казаками, еще до прибытия в город из Тургайского похода самого атамана А. И. Дутова. Первоначально этот орган именовался военно-полевым судом при штабе Оренбургского казачьего войска. 3 июля казаки-повстанцы заняли Оренбург, а уже на следующий день военно-полевому суду на основании приказа по Оренбургскому казачьему войску и Оренбургской губернии №2 был предан гражданин В. К. Иванов, обвинявшийся в том, что «он во время власти в г. Оренбурге шайки большевиков служил в контрразведке, организованной этой шайкой и производил лично расстрел некоторых лиц»⁵.

Председателем суда тогда был есаул П. Е. Чулаков, членами — есаулы Гумбург и А. Ф. Леонтьев, подьесаулы Вагин и Леонтьев⁶. Состав суда неоднократно менялся. 6 июля «приказом по городу Оренбургу и войскам», подписанным в качестве командующего фронтом лидером казаков-повстанцев войсковым старшиной Н. П. Карнауховым, был назначен более авторитетный состав. Председателем суда стал полковник П. А. Агапов, членами — полковники А. А. Афонасьев и В. Ф. Кретчмер, есаул П. Е. Чулаков, штабс-капитан Магерский. Запасным членом стал подьесаул Е. В. Ершов, секретарем — есаул А. Ф. Леонтьев⁷. Атаман А. И. Дутов сменил председателя суда, назначив 12 июля на этот пост А. А. Афонасьева⁸. Позднее, вероятно, для соблюдения интересов освободивших Оренбург повстанцев в состав суда вводились с правом решающего голоса представители Круга объединенных станиц и съезда 1-го военного округа⁹. Наконец, приказом начальника обороны Оренбургского казачьего войска №108 от 14 августа 1918 г., подписанным Дутовым, председателем суда стал пол-

⁵ Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 39 742. Оп. 1. Д. 1. Л. 1.

⁶ Подробнее об упоминаемых офицерах см.: Ганин А. В., Семенов В. Г. Офицерский корпус Оренбургского казачьего войска. 1891–1945: Биографический справочник. М., 2007.

⁷ РГВА. Ф. 39742. Оп. 1. Д. 1. Л. 2.

⁸ Там же. Л. 4.

⁹ Там же. Л. 12, 18, 21, 22, 23, 24, 28.

ковник В. Ф. Кретчмер¹⁰. В этой должности Кретчмер оставался до начала 1919 г.

Ряд членов суда имел значительный стаж в антибольшевистских формированиях, а, следовательно, был достаточно мотивирован идейно. В частности, старший урядник Секретев участвовал в повстанческом движении с 14 марта 1918 г., младший урядник Трунов — в набеге на Оренбург 4 апреля 1918 г., а затем во всех боях с красными¹¹.

Постепенно структура военно-полевого суда усложнилась. В начале августа 1918 г. он был разделен на два отделения¹², функции которых пока до конца не выяснены. По характеру дел можно предположить, что 2-е отделение, сформированное к 20 августа, занималось более значимыми политическими преступлениями. В одном из документов начала сентября 1918 г. содержался запрос председателя суда председателю военно-следственной комиссии, делятся ли дела поровну между отделениями¹³.

В своей работе суд руководствовался, в основном, дореволюционным военным законодательством (Свод военных постановлений 1869 г.). 25 июля 1918 г. было предписано сообщать в газетах обо всех лицах, оправданных судом¹⁴. Однако уже летом 1918 г. к прежним нормам добавились новые. Приказом №2 от 4 июля (21 июня)¹⁵ 1918 г. по Оренбургскому казачьему войску, Оренбургской губернии и Тургайской области вводилась смертная казнь за большинство серьезных преступлений — за убийство, разбой, нападение на должностных лиц и военных. К этому добавлялось аналогичное наказание «за активное участие в шайке, именующей себя большевиками и составленной преимущественно лицами не русского происхождения, приехавшими из Германии для уничтожения русского государства, а также для совершения тяжких преступлений: разбоя, убийства, грабежа, кощунства, похищения святынь, святотатства, без различия вероисповедания и захвата чужого имущества, виновные приговариваются к лишению всех прав состоя-

---

¹⁰ Там же. Л. 37.

¹¹ РГВА. Ф. 39742. Оп. 1. Д. 5. Л. 94–94 об.

¹² Там же. Л. 3.

¹³ РГВА. Ф. 39477. Оп. 1. Д. 8. Л. 99.

¹⁴ РГВА. Ф. 39477. Оп. 1. Д. 7. Л. 19 об.

¹⁵ С момента установления в Оренбурге антибольшевистского режима и до 14 (01) июля 1918 г. властями использовался старый стиль летоисчисления (Оренбургский казачий вестник. 1918. №9. 14 (01).07. С. 2).

ния и к смертной казни»¹⁶, такое же наказание предусматривалось за укрывательство комиссаров и красноармейцев и «лиц, выступивших с оружием в руках против войск, боровшихся за созыв Учредительного собрания»¹⁷. Приказ был подготовлен и подписан временно исполнявшим должность Войскового атамана К. А. Каргиным и уполномоченным Комитета членов Всероссийского Учредительного собрания (Комуча) по Оренбургской губернии П. В. Богдановичем. Не имевший отношения к подписанию этого приказа атаман А. И. Дутов позднее разъяснил, что смертная казнь за укрывательство должна применяться лишь к лицам, укрывавшим «наиболее важных комиссаров»¹⁸. 4 августа 1918 г. был издан приказ №21 по Оренбургскому казачьему войску, Оренбургской губернии и Тургайской области, дополнявший приказ №2 статьями за бунт против власти Учредительного собрания, приготовление и подстрекательство к бунту, за шпионство, уничтожение складов, приведение в негодность путей сообщения, средств связи и прочие виды государственной измены, за участие в скопище, оказавшем противодействие вооруженной силе, за подстрекательство к уклонению от военной службы, за нападение на часового или патруль, сопротивление караулу¹⁹. Кроме того, этим приказом действие приказа №2 распространялось на преступления, совершенные с 18 января 1918 г. — со дня захвата Оренбурга красными, что придавало документу обратную силу.

В августе 1918 г. Комуч в связи с обращением оренбургской городской думы отменил приказы по войску №2 и №21. После этого военно-судебные учреждения Оренбургского военного округа стали руководствоваться приказом по Оренбургскому казачьему войску, Оренбургской губернии и Тургайской области №31 от 14 августа 1918 г., по которому военно-полевому суду предавались лица, обвинявшиеся в подстрекательстве, шпионаже, диверсиях, участии в скопищах, нападении на часового, убийстве, раз-

---

¹⁶ РГВА. Ф. 39477. Оп. 1. Д. 7. Л. 16.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же. Л. 50.

¹⁹ Публикацию приказов №2 и 21 см.: Гражданская война в Оренбуржье (1917–1919 гг.). Док. и мат. Оренбург, 1957. С. 149–150, 153–154 (при публикации приказа №2, видимо, с целью не ослаблять впечатление читателей приказа, был пропущен пункт 2 об умышленных убийствах, изнасилованиях, разбоях, грабежах, поджогах или утоплении чужого имущества); Сафонов Д. А. Между империей и республикой Советов: местная власть на Южном Урале в 1917–1918 гг. Оренбург, 2008. С. 374–375, 384–385.

бое, насилии, хранении неохотничьего огнестрельного оружия и взрывчатых веществ без разрешения. Приказ, как и предшествовавший ему приказ №21, распространялся на преступления, совершенные с 18 января 1918 г.²⁰

Суд также руководствовался приказом по Оренбургскому казачьему войску №75 от 18 августа 1918 г., согласно которому за антиправительственные речи и сочинения и их публичное произнесение полагалась ссылка на поселение, за антиправительственную агитацию в войсках — каторжные работы, а за составление антиправительственных речей — заключение в крепость на срок до трех лет²¹. К большевикам и их пособникам следовало относить лиц, служивших в РККА или Красной гвардии на строевых должностях, на должностях комиссаров (кроме выборных), лиц, занимавших ответственные посты в военных и карательных учреждениях большевиков, доносчиков, если их доносы послужили причиной ареста или гибели кого-либо, участников большевистских обысков и арестов, а также всех, кто добровольно боролся в рядах красных с оружием в руках²².

21 сентября 1918 г. в Самаре был издан приказ по военному ведомству Комуча №97 об учреждении военно-полевых судов в гарнизонах местностей, находящихся на военном положении. Военно-полевые суды создавались для ускорения судопроизводства. Предусматривалась смертная казнь за дезертирство, агитацию против отбывания воинской повинности, умышленные поджоги или потопления, грабежи, изнасилования²³.

Еще одним приказом, которым руководствовались судьи, был приказ №48 от 4 октября 1918 г., дополнявший приказ №31. Согласно этому приказу под смертную казнь подпадала даже неявка на службу без уважительных причин. В оренбургском гарнизонном военно-полевом суде, существовавшем параллельно с окружным, появление такого приказа вызвало недоумение, причем председатель писал главному начальнику округа 28 ноября 1918 г.:

«Разбирая неоднократно в гарнизонном военно-полевом суде дела воинских чинов, большей частью попадают преступления:

---

²⁰ РГВА. Ф. 39477. Оп. 1. Д. 7. Л. 9.

²¹ Там же. Л. 6–7.

²² Там же. Л. 50.

²³ Там же. Л. 1.

уход из части на непродолжительные сроки и добровольное возвращение в часть, или же добровольная неявка в срок по мобилизации по причинам, хотя уважительным, но незаконным. За такие преступления, согласно воинского устава о наказаниях ст. 131 и 140 кн. XXII С. В. П.²⁴ 1869 г. изд. 4[-е], виновные подвергаются одиночному заключению в военной тюрьме до 4-х месяцев; между тем, суд, будучи связан исполнением приказа №31 и 48, приговаривает виновных к смертной казни согласно ст. 279, не имеющей лестницы наказания, ставя подсудимых на одну доску с умышленными убийцами, грабителями, насильниками и т. п. тяжкими преступниками.

Дабы творить суд по чистой совести и справедливости необходимо исправить вкравшееся недоразумение»²⁵.

Одним из первых дел, рассмотренных судом при штабе округа, было дело о казаках станицы Павловской П. Круцких и В. Пилюгине, датированное 13 июля 1918 г.²⁶ Фигурантов приговорили к смертной казни.

Суд рассматривал и дела со значительным количеством фигурантов. Так, для слушания дела о 22 подсудимых на 30 сентября 1918 г. был вызван караул в 35 человек, включая 5 конных²⁷. Среди групповых дел резонансным было дело о наказании казаков станицы Верхнеозерной, выдавших на расправу красным в апреле 1918 г. братьев Михайловых²⁸. По уточненным данным, казаки предстали перед судом 1 октября 1918 г.: одиннадцать приговорили к расстрелу, троих (в советских документах речь шла о пятирх) сослали в Восточную Сибирь на каторгу, одного приговорили к году тюремного заключения²⁹.

Удалось не только выявить данные по статистике работы суда за период до конца 1918 г., но и на основе алфавита дел суда и других документов составить базу данных на 515 фигурантов дел, рассматривавшихся судом за весь период его существования. Выборка из базы дала возможность реконструировать практически пол-

---

²⁴ Свод военных постановлений.

²⁵ РГВА. Ф. 39657. Оп. 1. Д. 3. Л. 111–111об.

²⁶ РГВА. Ф. 39477. Оп. 1. Д. 8. Л. 4.

²⁷ РГВА. Ф. 39742. Оп. 1. Д. 5. Л. 29.

²⁸ Подробнее см.: *Ганин А. В.* Казаки сдали своих. Трагическая история семьи Михайловых на фоне братоубийств, в которые страна погрузилась сто лет назад // Родина. 2018. №4. С. 129–133.

²⁹ РГВА. Ф. 39742. Оп. 1. Д. 7. Л. 62–62об., 64.

Таблица 1

Период	Поступило		Рассмотрено		Приговорено		
	дел	человек	дел	человек	к смертной казни	к каторжным работам	к тюремному заключению
До 09.09.1918	205	291	77	94	37	—	13
10.09.1918–01.10.1918	17	20	22	33	11	8	—
01.10.1918–15.10.1918	20	21	16	43	20	6	3
16.10.1918–31.10.1918	35	46	37	64	28	5	13
01.11.1918–16.11.1918	9	25	22	27	8	1	4
17.11.1918–01.12.1918	2	3	18	33	8	4	7
01.12.1918–12.12.1918	6	11	10	12	4	2	42*
Итого:	294	417	202	306	116	26	44

* Кроме того, 1 человек приговорен к высылению.

ный список 113 приговоренных к смертной казни³⁰. По данным статистики суда, его деятельность представляется в следующем виде: см. Таблицу 1.

Эти данные в кратком виде были опубликованы мною в 2006 г. в монографии «Атаман А. И. Дутов»³¹. Сплошное изучение фон-

³⁰ Прежде всего, см.: РГВА. Ф. 39742. Оп. 1. Д. 5. Л. 20, 43, 55, 68, 75, 84, 86. Список публикуется в приложении.

³¹ Ганин А. В. Атаман А. И. Дутов. М., 2006. С. 370.

к телесным наказаниям	на фронт	Оправдано (человек)	Передано во 2-е отде- ление		Передано в военно- следств. комиссию		Прокурору окружного. суда		Осталось	
			дел	человек	дел	человек	дел	человек	дел	человек
3	1	27	57	63	3	3	6	7	71	142
—	—	3	1	1	1	1	1	1	63	126
—	—	14							67	104
—	—	18	1	1					66	87
—	2	9	2	2					53	85
—	11*	3							38	56
—	—	—							34	50
3	4	74	61	67	4	4	7	8		

* Кроме того, к выселению приговорено 8 человек и к работам — 1 человек.

да военно-полевого суда в РГВА и составление на основе этих документов базы данных по фигурантам дел, включая именной список приговоренных к смертной казни, позволили подтвердить полноту ранее опубликованных статистических данных. Сведения о репрессиях в первой строке таблицы относятся к деятельности суда с начала его создания до 9 сентября 1918 г.

Из представленных в таблице данных следует, что суд рассмотрел 68,7% дел. 38% фигурантов были приговорены к смертной казни, 8,5% — каторжным работам, 14,4% — к тюремному за-

ключению, 1% — к телесным наказаниям и 1,3% — к отправке на фронт. Оправданы были 24,2% фигурантов.

Среди установленных поименно 113 человек, приговоренных к смертной казни, 53 человека обвинялись в большевизме и 18 по приказу №31. Еще по одному человеку возможен один из этих двух вариантов. В отношении 42 человек обвинения неизвестны. Касательно обвинений по приказу №31, по всей видимости, речь также шла о большевизме. Смертные приговоры выносились и в отношении казаков. Из приговоренных один бежал, другой был убит при попытке побега, еще один покончил с собой.

После занятия Оренбурга в январе 1919 г. красные опубликовали список расстрелянных белыми в губернской тюрьме, включавший 177 человек (обозначим его как список 177)³². Анализ данных этого списка показал, что документ касается отнюдь не одной губернской тюрьмы, а представляет собой сводный список расстрелянных, использовавшийся в пропагандистской работе. Список составлялся крайне небрежно, в результате чего в него попали не только казненные, но и совершившие самоубийство или побег. В целях установления точных данных о масштабах антибольшевистских репрессий в регионе мы сопоставили этот список с выявленными нами данными о приговоренных военно-полевым судом к смертной казни. Как оказалось, 86 приговоренных к смертной казни из нашей базы данных совпали с фигурантами списка 177 и в отношении еще пяти лиц совпадение предположительно в силу небрежности составления списка, приведшей к существенным искажениям фамилий и имен. Таким образом, списки не суммируются, а накладываются один на другой. Кроме того, совпавших по двум спискам нельзя считать жертвами самосуда.

Еще 37 человек из списка 177 совпали с персоналиями составленной нами базы данных подсудимых военно-полевого суда. Вполне возможно, большинство из них также были казнены — мы не располагаем данными о смертных приговорах в их отношении. По выявленным нами данным среди них встречаются ли-

---

³² Оренбургский государственный архив социально-политической истории. Ф. 7924. Оп. 1. Д. 128. Л. 1об.; Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. Р-827. Оп. 11. Д. 124. Л. 1–3. Список был опубликован 31 января 1919 г. в газете «Коммунар» — органе Оренбургского губернского и городского исполнительного комитета советов. Позднее об этом же списке с незначительным искажением его данных упомянула газета «Правда» (Правда. 1919. №24. 02.02. С. 3).

ца, вердикт суда в отношении которых оказался иным. В частности, С. Ежов, К. Кумафиев и А. Марчуков (в списке 177 указан как Морчук) были приговорены к телесным наказаниям, а А. Иванов и вовсе оправдан³³. Разумеется, это не исключает того, что они могли быть позднее расстреляны, однако ставит под сомнение достоверность сведений списка 177 как расстрельного.

Что касается выявленных приговоров в целом, то десять человек по обвинениям в большевизме и по приказу №31 решением суда подлежали выселению. 24 человека, в основном по тем же обвинениям, приговорены к каторжным работам. Еще одного человека приговорили к работам (видимо, иного характера). 46 человек получили тюремные сроки. Одного подсудимого разжаловали и приговорили к заключению в крепости. Трех приговорили к телесным наказаниям. Пятерых, в основном за большевизм, службу в РККА и по приказу №31, отправили на фронт (в отношении одного из них обвинение неизвестно).

Десять фигурантов дел (в основном обвинявшихся в несвоевременной явке по мобилизации или самовольной отлучке) находились в бегах. В большинстве своем это были представители рядового и унтер-офицерского состава. Но среди беглецов был и один офицер — прапорщик Я. М. Фридман. Двое фигурантов дел находились в госпитале, рассмотрение дела еще одного отложили из-за болезни обвиняемого. Два дела передали прокурору окружного суда. 76 человек суд оправдал, также в основном по приказу №31 и за большевизм. В их числе тургайский комиссар М. Тимошенко.

Среди фигурантов дел выявлено 26 женщин. Три из них (А. Т. Логинова, Ю. Малиновская и Л. И. Соловьева) были приговорены к смертной казни. Обвинение известно лишь в отношении Логиновой — приказ №31.

В общей сложности 183 человека обвинялись в большевизме или большевистской агитации, 82 — по приказу №31. Двое обвинялись в службе в РККА, еще двое — в распространении провокационных слухов и в неисполнении приказов, по одному — в выдаче красным укрывавшихся офицеров и кадет (фактически таких было больше, но фигурантов дела о выдаче на расправу братьев Михайловых обвиняли в большевизме) и в неисполнении

---

³³ РГВА. Ф. 39742. Оп. 1. Д. 5. Л. 42 об.

приказов. Двенадцать человек обвинялись в несвоевременной явке по мобилизации, шестеро — в нарушении порядка несения караульной службы, четверо — в самовольных отлучках, еще один — в самовольной отлучке и краже, трое — в побеге, один — в хранении оружия и патронов.

В числе подсудимых было не менее 14 офицеров: есаул (И. А. Юдин), штабс-капитан (Королев), два поручика (Габитов и Попов), хорунжий (И. П. Петров, приговорен к расстрелу), два подпоручика (Майстрах и Н. Хмелевский) и семь прапорщиков (А. Лупандин, М. Никифоров, Б. П. Мартынов, С. Пастухов, В. П. Ушаков, Я. М. Фридман и Ф. Юркин). Интересно, что четверых офицеров обвиняли в нарушении порядка несения караульной службы, по одному — в побеге со службы, по приказу №31 и в несвоевременной явке по мобилизации.

Насколько можно судить, следственные действия отличались тщательностью, что приводило к затягиванию рассмотрения дел. Это даже вызвало нареkanie главного начальника Оренбургского военного округа на театре военных действий, который 11 ноября 1918 г. приказал увеличить интенсивность работы военно-полевых судов³⁴.

Сохранились материалы дела старшего милиционера А. В. Филатова. Он был арестован 9 июля 1918 г., вскоре после занятия казаками Оренбурга, за службу у красных, поскольку около месяца прослужил делопроизводителем по строевой части 28-го Уральского полка³⁵. Арест произвели его же прежние товарищи по службе у красных прапорщик М. Трифонов и подпоручик Л. Иванов, принявшие активное участие в антибольшевистском движении. Расследование затянулось до декабря 1918 г., а само дело занимает 44 листа. Как оказалось, 28-летний мещанин Филатов поступил на службу красным из-за жалованья, служил у них короткое время в мае 1918 г., причем хранил у себя оружие подъяесаула Филатова (возможно, А. А. Филатова, с которым, очевидно, находился в родстве), которое затем возвратил³⁶. Поскольку за службу у красных полагалась смертная казнь, а вина была явно незначительной, военно-полевой суд ходатайствовал о замене казни лишением всех прав состояния и ссыл-

---

³⁴ РГВА. Ф. 39657. Оп. 1. Д. 4. Л. 4.

³⁵ РГВА. Ф. 39742. Оп. 1. Д. 2. Л. 10.

³⁶ Там же. Л. 10 об., 15 об.

кой в каторжные работы на пять лет³⁷. Впрочем, очевидно и такой приговор был слишком суров.

Характерен обвинительный материал и приговор от 3 сентября 1918 г. в отношении 32-летнего Е. А. Веселова «за активное участие в шайке большевиков»:

«Обвинительный материал против подсудимого Веселова слагается из оглашенного показания свидетеля Дементьева, из которого видно, что подсудимый 4 апреля [1918 г.], вооруженный винтовкой, собирал рабочих, агитируя против казаков и вел такую же агитацию в большевистском клубе и на могилах убитых красноармейцев, а по слухам участвовал в расстреле трех казаков-разведчиков возле почты. Во-вторых, из показаний свидетельницы Драчевой, слышавшей слова подсудимого: “Сегодня мы посадили трех казаков на мушку”, обращенные к сидевшему рядом с ним свидетелю Ежкову. Третье: из показаний свидетельницы Чекушкиной, будто во время вооружения большевиками рабочих подсудимый собирал рабочих и говорил им, что надо вооружаться, чтобы с оружием отстаивать завоевания революции, а также свидетелей Дементьева, Попова, Драчевой, Сумского, Фоминой, Чекушкиной, что подсудимый после набега казаков ходил с винтовкой. Обращаясь к рассмотрению этих доказательств, суд усматривает, что показания свидетелей, видевших подсудимого Веселова с винтовкой в руках в количестве двух раз, а именно: на другой или на третий день после набега казаков вечером и на другой день утром, совпадают с показаниями самого подсудимого, пояснившего, что он действительно, в бытность его председателем фабрично-заводского комитета заготовочного отделения фабрики “Райкож” вскоре после набега, под угрозами рабочих сапожного отдела той же фабрики вынужден был взять винтовку, пошел с нею домой и на другой день утром возвратил. Это находит себе подтверждение в показаниях свидетеля подпоручика Леонтьева»³⁸.

Расследование показало, что о причастности Веселова к расстрелу и агитации говорил только свидетель Дементьев, причем по слухам. Как оказалось, подсудимый не выдал участников борьбы с красными, о которых заведомо знал, а также добился через

---

³⁷ Там же. Л. 10 об.

³⁸ РГВА. Ф. 39742. Оп. 1. Д. 6. Л. 50–50 об.

собрание рабочих освобождения (видимо, из-под ареста) подпоручика Леонтьева³⁹. В итоге суд Веселова оправдал.

Суд рассматривал и дела о дезертирстве. За опоздание на службу по мобилизации на срок до 24 дней полагалось от одного до двух месяцев тюрьмы, за опоздание на больший срок полагалась смертная казнь. Так, 22 ноября 1918 г. к лишению всех прав состояния и смертной казни за 25-дневное опоздание на службу по мобилизации был приговорен 30-летний младший фейерверкер мортирной батареи 5-й стрелковой артиллерийской бригады П. П. Марков. Приговор утвердил главный начальник Оренбургского военного округа на театре военных действий генерал-майор И. Г. Акулинин⁴⁰. Однако, «принимая во внимание его, подсудимого, чистосердечное сознание, добровольную явку и тяжелое семейное положение по уборке хлеба, а также письменное заявление командующего мортирной батареей 5-й стрелковой артиллерийской бригады суд... определяет: ходатайствовать перед командующим войсками заменить подсудимому Петру Маркову назначенное ему наказание содержанием в тюрьме военного ведомства сроком на четыре месяца с лишением унтер-офицерского звания и с потерей некоторых прав и преимуществ по службе»⁴¹.

Иногда приговоры военно-полевого суда смягчались войсковым начальством. К примеру, в июле 1918 г. временно командовавший в отсутствие А. И. Дутова войсками Оренбургского военного округа полковник И. Г. Акулинин смягчил приговор прапорщику Б. П. Мартынову, заменив лишение всех прав состояния и смертную казнь разжалованием в рядовые и отправкой «в распоряжение генерала Ханжина⁴² с назначением на один из наиболее опасных фронтов, где бы он кровью мог смыть свой позор»⁴³. Смертный приговор активному стороннику большевиков есаулу И. А. Юдину был также смягчен. Юдина разжаловали в рядовые и приговорили к заключению в крепости, на повестку Войскового Круга Дутов вынес предложение о лишении его казачьего звания⁴⁴.

---

³⁹ РГВА. Ф. 39742. Оп. 1. Д. 6. Л. 51 об.

⁴⁰ РГВА. Ф. 40213. Оп. 1. Д. 2347. Л. 52 об.

⁴¹ Там же. Л. 53.

⁴² На тот момент М. В. Ханжин являлся командиром Уральского отдельного корпуса.

⁴³ РГВА. Ф. 39477. Оп. 1. Д. 1. Л. 41.

⁴⁴ РГВА. Ф. 40327. Оп. 1. Д. 16. Л. 154–154 об.

Оренбургским командованием практиковалось не только смягчение приговоров, но и полное освобождение заключенных, если это диктовалось государственными интересами. Так, по просьбе башкирского политика С. Мрясова войсковой администрацией были освобождены из тюрьмы башкиры, арестованные по обвинению в большевизме⁴⁵.

Невиновным был признан и атаман станицы Благословенской 1-го военного округа урядник И. Е. Попов, 40 лет. Попова судили 3 января 1919 г. по обвинению в том, что он «при большевиках обезоружил и арестовал проезжавших через станицу офицеров Шишелова, Вагина и Карманова»⁴⁶. Речь шла о событиях после ухода белых из Оренбурга в январе 1918 г. В ночь на 18 января 1918 г. через станицу Благословенскую из Оренбурга проезжала группа офицеров. Остановившись в поисках подвод, они были задержаны казаками, причем у офицеров изъяли три револьвера и три бомбы, после чего арестовали. На следующий день «старички» освободили арестантов. В противном случае их могли отправить в занятый красными Оренбург.

Интересно, что просьбы к атаману станицы арестовать Попова и соучастников военно-следственная комиссия отправляла дважды — в августе и в октябре 1918 г.⁴⁷ По всей видимости, первый раз это сделано не было. Невиновным Попов был признан в связи с тем, что «фактическое выполнение ареста, задуманного группой большевистски настроенных казаков и разночинцев станицы Веневцевым, Щербаковым и друг [ими] было произведено подсудимым Поповым под давлением и угрозами этих лиц, причем на другой день Попов сам лично вместе со своими единомышленниками принял участие в созыве схода и подготовке общественного мнения об освобождении арестованных, которые и были после того выпущены и отправлены к киргизам»⁴⁸. Кроме того, в деле имелся общественный приговор станицы от 15 января 1919 г. о том, что Попов отличался хорошим поведением⁴⁹.

Случались и ошибки, в том числе в отношении активных сторонников белых. Подпоручик Н. Н. Карлов, 41 года, обвинялся в служ-

---

⁴⁵ Национально-государственное устройство Башкортостана (1917–1925 гг.). Док. и мат. В 4 т. Уфа, 2002. Т. 2. Ч. 1. С. 399.

⁴⁶ РГВА. Ф. 39657. Оп. 1. Д. 8. Л. 1.

⁴⁷ Там же. Л. 4, 12.

⁴⁸ Там же. Л. 1–1 об.

⁴⁹ Там же. Л. 15.

бе у красных в Ташкенте интендантом. Но, как выяснилось, речь шла об одном из первых участников антибольшевистского движения в Оренбуржье, который еще в декабре 1917 — январе 1918 г. участвовал в обороне Оренбурга и в числе последних возвратился в город с передовой. После оставления дутовцами Оренбурга в январе 1918 г. Карлов скрывался в Ташкенте, где, вероятно, служил при красных. Военно-полевой суд признал Карлова невиновным, однако он был направлен на фронт рядовым, хотя и без лишения офицерского чина. Перевод на офицерское положение, согласно резолюции генерала И. Г. Акулинина, был возможен после того, как он «в боях докажет свою непричастность к большевизму и преданность Родине»⁵⁰. Карлов это доказал, проявив себя в рядах 19-го стрелкового полка, затем оказался в 25-м Оренбургском казачьем полку и даже попал на службу в контрразведку белых, но в мае 1919 г. умер от сыпного тифа⁵¹. Речь шла об активном стороннике белых. Приговор ему, казалось бы, не был суров, но не может быть назван справедливым. Подобные решения белых правоохранителей неизбежно отталкивали сторонников антибольшевистского движения.

Среди документов военно-полевого суда встречаются упоминания и о деле Евгении Бурзянцевой, обвинявшейся в «активном участии в бан[де] больш[евиков]». Постановлением военно-следственной комиссии от 7 августа 1918 г. она была предана военно-полевному суду. Дело взяли в работу только 17 сентября, а затем передали прокурору окружного суда⁵². Возможно, она имела родственное отношение к казненному в августе 1918 г. бывшему комиссару юстиции Оренбургской губернии М. Н. Бурзянцеву. История Бурзянцевой, которого белые захватили с беременной супругой, а затем зарубили, стала в советское время и в постсоветский период у всецело доверяющих этому сюжету авторов левого толка хрестоматийным примером бесчеловечности белых в Оренбуржье, поскольку далее следовало продолжение, что беременной Марии Бурзянцевой Дутов якобы позволил родить ребенка, после чего казнил и его, и мать⁵³. На поверку оказалось, что в основу сюжета были положены не до-

---

⁵⁰ РГВА. Ф. 39742. Оп. 1. Д. 3. Л. 2 об.

⁵¹ Там же. Л. 31.

⁵² РГВА. Ф. 39742. Оп. 1. Д. 5. Л. 44; Д. 6. Л. 64; Д. 8. Л. 54.

⁵³ Сайгин Н. И. В тылу Дутова (борьба подпольщиков и партизан Оренбуржья против дутовщины в 1918 году). Оренбург, 2001. С. 16; Ратковский И. С. Белые репрессии в Оренбуржье в период Гражданской войны в России в 1917–1919 гг. // Петербургский исторический журнал. 2015. №2 (06). С. 124–125;

кументы, а художественное произведение советской писательницы Л. Н. Сейфуллиной. Проанализировавший этот эпизод Д. А. Сафонов пришел к выводу о том, что впервые эта история была озвучена самой Сейфуллиной в 1935 г. в газете «Оренбургская коммуна»⁵⁴.

Если в ходе следствия выяснялась какая-либо оперативно значимая информация, эти данные передавались председателем суда начальнику Оренбургской войсковой милиции. В частности, 18 сентября 1918 г. председатель суда сообщал: «На судебном следствии по делу Петра Кирилова выяснилось, что родной его брат Иван Николаевич Кирилов, бывший матрос Черноморского флота, ныне скрывшийся из г. Оренбурга, заставил всех рабочих завода “Орлес” собраться в контору и затем идти на станицу Бердскую. Отец Ивана Кирилова — Николай Кирилов — рабочий того же завода, живет на дальнем складе Пименова. Сообщая об изложенном, прошу за появлением означенного Ивана Кирилова установить наблюдение и принять меры к его задержанию»⁵⁵. Впрочем, в выявленных нами документах фигурирует человек с иным отчеством — Петр Владимирович Кирилов.

В переписке военно-полевого суда отмечалось, что дела за неимением возможности держать собственный архив направлялись прокурору военно-окружного суда на заключение. Решения суда предполагалось сдать в тюрьму для эвакуации при необходимости⁵⁶. Поскольку в январе 1919 г. белым пришлось спешно бросить тюрьму, дела, вероятно, были уничтожены красными.

21 января 1919 г. Оренбург был оставлен белыми. Посмотрим, как кризис на фронте отразился на работе военно-полевого суда и привело ли это к усилению репрессий.

10 января 1919 г. суд рассматривал дело осмотрщика вагонов станции Оренбург-2 Орской железной дороги крестьянина Оренбургского уезда П. Т. Кальдюшева (Никитина), 39 лет, обвинявшегося в службе у красных и в грабежах станиц. Дело расследовала Оренбургская военно-следственная комиссия с ноября 1918 г. 25 ноября 1918 г. Кальдюшев не признал себя виновным и сообщил:

Он же. Хроника белого террора в России. Репрессии и самосуды (1917–1920 гг.). Изд. 2-е, испр. и доп. М., 2017. С. 138.

⁵⁴ Сафонов Д. А. Факел над бездной: революция 1917 года и Гражданская война на юго-востоке европейской России. Оренбург, 2017. С. 262–266.

⁵⁵ РГВА. Ф. 39 742. Оп. 1. Д. 6. Л. 28–28 об.

⁵⁶ РГВА. Ф. 39 742. Оп. 1. Д. 1. Л. 52.

«В Красной гвардии я не служил, но был, как и все другие железнодорожные рабочие, вооружен. Вооружен я был “силою оружия” — против моей воли. Будучи вооружен, я ездил с поездами ж.д., но не в качестве бойца, а в качестве осматривщика вагонов. Других рабочих вооружаться я никогда не призывал и не мог этого делать, так как никаким начальством не был. В нападении на станицу Краснохолмскую и вообще на какие-либо другие станицы и в разграблении их не участвовал. В расхищении имущества юнкерского училища я также не участвовал. Что же касается найденных у меня книжек юнкерского училища, то их принес от какого-то своего товарища мой сын Иван»⁵⁷.

Интересно, что в деле имелось коллективное удостоверение граждан квартала о том, что Кальдюшев не состоял в Красной гвардии⁵⁸.

Суд признал Кальдюшева виновным в том, что «вскоре после прихода большевиков в г. Оренбург, без особого принуждения, угрожавшего жизни, поступил в Красную гвардию и служил там, будучи вооружен, до ухода большевиков из Оренбурга в июле 1918 года»⁵⁹. По приказу №31 за это полагалась смертная казнь, однако вердикт суда был следующим:

«Ввиду же того, что во время декабрьской забастовки 1917 года подсудимый работу продолжал и никакими данными дела не доказано участие его в грабежах, упоминаемых в постановлении следственной комиссии, суд ходатайствует о замене подсудимому Павлу Терентьевичу Кальдюшеву (он же — Никитин) смертной казни лишением всех особенных лично и по состоянию присвоенных прав и преимуществ и отдачей в исправительные арестантские отделения сроком на два года»⁶⁰.

18 января 1919 г., за три дня до падения войсковой столицы, военно-полевой суд рассмотрел дело 29-летнего оренбургского мещанина, слесаря депо С. М. Вязьмина, обвинявшегося в том, что «во время первого наступления большевиков на г. Орен-

---

⁵⁷ РГВА. Ф. 39657. Оп. 1. Д. 7. Л. 6.

⁵⁸ Там же. Л. 11.

⁵⁹ РГВА. Ф. 39657. Оп. 1. Д. 7. Л. 1–1об.

⁶⁰ Там же. Л. 1об.

бург, в начале января 1918 года добивал раненых защитников города с целью похищения принадлежащего им имущества»⁶¹. Якобы Вязьмин хвастался, что добивал кадет и гимназистов при обороне Оренбурга⁶². Каким же был приговор по столь серьезному в условиях войны и тяжелейшей фронтовой обстановки обвинению? Суд заслушал показания свидетелей и самого подсудимого, после чего оправдал Вязьмина, но ходатайствовал о его высылке из округа и войска⁶³. Еще 23 ноября 1918 г. Вязьмин был приговорен к смертной казни, однако последовало прошение рабочих депо Оренбурга к командиру войсками. Итоговое решение по делу не было скороспелым, поскольку вопрос рассматривался самым тщательным образом. Достаточно отметить, что материалы дела составили 84 листа⁶⁴. Следствие допрашивало свидетелей по ориентировкам жены Вязьмина. В результате подробного изучения всех материалов удалось установить, что Вязьмина оговорили, причем, как оказалось, на самом деле он спасал преследовавшихся красными⁶⁵. Итак, никаких изменений в судебной практике в связи с переменами на фронте не наблюдалось.

Отметим, что и работа гарнизонного военно-полевого суда перед оставлением белыми Оренбурга не изменила свой характер в сторону ужесточения. Вплоть до эвакуации из города суд работал по прежним принципам и приказам, в том числе вынося оправдательные приговоры и прекращая дела⁶⁶.

О деятельности военно-полевого суда после оставления Оренбурга данных нет. Известно, что его председатель полковник В. Ф. Кретчмер 13 февраля 1919 г. получил новое назначение в войсках⁶⁷.

Военно-полевой суд при штабе Оренбургского военного округа не был единственным карательным органом, выносившим расстрельные приговоры при Дутове. Приказом по Оренбургскому военному округу №371 от 4 октября 1918 г. в Оренбурге был учрежден гарнизонный военно-полевой суд. Суд рассма-

---

⁶¹ РГВА. Ф. 39742. Оп. 1. Д. 1. Л. 53.

⁶² Там же. Л. 73–73 об.

⁶³ Там же. Л. 53 об.

⁶⁴ Там же. Л. 53–137.

⁶⁵ Там же. Л. 126.

⁶⁶ РГВА. Ф. 39657. Оп. 1. Д. 1. Л. 55–57, 59, 66; Д. 3. Л. 57; Д. 7. Л. 1 об.; Д. 8. Л. 1; Д. 9. Л. 1а — 1а об.

⁶⁷ Ганин А. В., Семенов В. Г. Указ. соч. С. 304.

тривал проступки военнослужащих и граждан, предусмотренные приказами Комуча № 31 и 48, а также побег с военной службы, укрывательство дезертиров, грабежи, изнасилования, умышленные поджоги и утопление чужого имущества и все воинские преступления, «за которые в числе наказаний указана смертная казнь»⁶⁸. Однако анализ сохранившихся дел гарнизонного суда не свидетельствует о том, что этот орган злоупотреблял правом присуждения высшей меры наказания⁶⁹. Председателем суда стал

---

⁶⁸ Государственный архив Оренбургской области (ГАОО). Ф. Р-1912. Оп. 1. Д. 26. Л. 100.

⁶⁹ Рассмотрим практику гарнизонного военно-полевого суда. За первый побег со службы младший унтер-офицер 18-го Оренбургского стрелкового полка К. Болотский был приговорен к месяцу тюремного заключения с потерей некоторых прав и преимуществ по службе (РГВА. Ф. 40213. Оп. 1. Д. 2347. Л. 48 об.). Ушедший домой на несколько дней младший унтер-офицер 18-го Оренбургского стрелкового полка П. Ф. Гончаров получил месяц военной тюрьмы (РГВА. Ф. 39657. Оп. 1. Д. 6. Л. 1). В протоколе допроса Гончарова записано: «Виновным себя я признаю. Мои родители были расстроены тем, что все мои товарищи находились дома, а я один попал на службу — это и побудило меня убежать. Ушел из полка я 18 сентября, а пришел 23 сентября. Дома я успокоил родителей, сказав: «Кто же будет служить Родине, если все будут дома», после этого мать запрягла лошадь и привезла меня в полк» (Там же. Л. 2). Аналогичным был приговор за такое же преступление (ушел из полка по семейным обстоятельствам на несколько дней) старшему унтер-офицеру 21-го Оренбургского стрелкового полка Д. А. Рубанову, также лишенному воинского звания (РГВА. Ф. 39657. Оп. 1. Д. 14. Л. 16). Совершивший аналогичный проступок младший унтер-офицер 21-го Оренбургского стрелкового полка Е. Н. Урюпин был приговорен к полутора месяцам военной тюрьмы и лишению звания (РГВА. Ф. 39657. Оп. 1. Д. 13. Л. 2–3). Оправдан был солдат Оренбургской отдельной железнодорожной роты В. К. Наумов, ушедший домой на праздник и пропустивший из-за этого отправку роты на фронт. Наумов, однако, поехал вслед за ротой и вскоре явился в нее (РГВА. Ф. 39657. Оп. 1. Д. 9. Л. 1а — 1а об.). Разумеется, везло далеко не всем дезертирам и уклонистам. Суровая участь постигла двух двадцатилетних солдат 21-го Оренбургского стрелкового полка И. И. Заруцкого и Ф. М. Маликова, которые, узнав, что полк выдвигается на позиции, 4 ноября 1918 г. бежали с подложными документами. На Сакмарском мосту беглецы были задержаны караульными башкирами-казаками. Предъявленным документам не поверили. В итоге двое подозрительных попали в следственную комиссию и в городскую милицию, где во всем сознались, после чего были отправлены к коменданту Оренбурга и на гарнизонную гауптвахту. Дезертиры утверждали, что отлучились домой за теплой одеждой и обувью, которых не получили в полку (РГВА. Ф. 39742. Оп. 1. Д. 4. Л. 15 об. — 16). 16 декабря суд в закрытом заседании приговорил дезертиров к смертной казни (Там же. Л. 14). Заруцкий в последнем слове сказал, что раскаивается в содеянном (Там же. Л. 16 об.). Тем не менее приговор был приведен в исполнение (Там же. Л. 9). Главный начальник Оренбургского военного округа на театре военных действий генерал-

полковник С. В. Буш. Соотношение полномочий двух судов пока неясно, причем вопрос подсудности преступлений гарнизонному суду не был ясен даже в рассматриваемый период. В частности, военный прокурор Оренбургского военно-окружного суда в декабре 1918 г. просил разъяснений на этот счет⁷⁰. Между двумя судами существовало взаимодействие и практика обмена делами. Так, по имеющимся данным, восемнадцать дел гарнизонного суда в декабре 1918 г. были переданы в 1-е отделение суда при штабе округа⁷¹.

Следует отметить и то, что приказом по Оренбургскому военному округу от 13 октября 1918 г. №434 был учрежден военно-прокурорский надзор военно-окружного суда, прокурором которого был назначен полковник Буйнов⁷². Сотрудники этого органа должны были инспектировать условия содержания арестованных на гарнизонной гауптвахте⁷³. К сожалению, о результатах деятельности надзора данных нет.

В условиях непримиримости сторон Гражданской войны активное соучастие в деятельности красных расценивалось белыми как

майор И. Г. Акулинин требовал от работников судов «при разборе дел о дезертирах карать беспощадно» (резолюция от 16 декабря 1918 г. на телеграмме коменданта орского этапа о массовом бегстве солдат — РГВА. Ф. 39657. Оп. 1. Д. 4. Л. 6). Это требование было выполнено. Уже 21 декабря 1918 г. к смертной казни приговорили радиотелеграфиста штаба Юго-Западной армии, бывшего балтийского матроса В. В. Харченко, уехавшего домой за продуктами и бельем и задержавшегося из-за болезни жены на месяц, просьба Харченко о смягчении приговора не была поддержана генералом Акулининым (РГВА. Ф. 39657. Оп. 1. Д. 11. Л. 10). На суровый приговор помимо факта дезертирства повлияло и то, что и.д. генерал-квартирмейстера штаба армии полковник Г. И. Петрановский-Белаш признал Харченко ненадежным для ответственной работы в радиоотделении и препроводил его к Оренбургскому уездному воинскому начальнику, откуда Харченко попал к коменданту Оренбурга для содержания под арестом (Там же. Л. 23–24). Иные проступки карались иначе. Казак пулеметной команды 19-го Оренбургского казачьего полка И. С. Челпаченков, признанный виновным «в неисполнении приказа начальника по нерадению и [в] самовольном отсутствии от команды, неоднократно замеченном пьянстве и неисправном дурном поведении», приговорен к одиночному заключению в тюрьме военного ведомства на два месяца, замененному четырехмесячным заключением в гражданской тюрьме (РГВА. Ф. 40213. Оп. 1. Д. 2347. Л. 54 об.). За брань в ответ на замечание унтер-офицеров одного из нижних чинов приговорили к отправке в дисциплинарную часть на один год (Там же. Л. 55).

⁷⁰ РГВА. Ф. 39657. Оп. 1. Д. 3. Л. 79.

⁷¹ Там же. Л. 93 об. — 96 об.

⁷² ГАОО. Ф. Р-1912. Оп. 1. Д. 17. Л. 2.

⁷³ Там же. Л. 5.

одно из тягчайших преступлений, подлежащих высшей мере наказания. Аналогичный подход в отношении своих врагов практиковали и красные, причем в более широких масштабах. Анализ документации военно-полевого суда при штабе Оренбургского военного округа показал, что около четверти подсудимых оправдывались, в том числе по обвинениям в большевизме. При этом значительная часть приговоров к смертной казни выносилась за причастность к большевизму. Судя по сохранившимся делам, следствие велось достаточно тщательно, что приводило к затягиванию рассмотрения дел.

Сопоставление базы данных фигурантов дел военно-полевого суда с советским списком 177 расстрелянных белыми в Оренбуржье, выявило значительные совпадения. 123–128 персоналий из списка 177 проходили по делам суда. Соответственно, данные списка приговоренных к смертной казни военно-полевым судом и списка 177 не суммируются, а накладываются друг на друга. Это позволяет скорректировать известные данные о масштабах и характере белого террора в регионе.

Таким образом, речь идет в основном не о жертвах самосудов, а о приговоренных военно-полевым судом. В то же время выявленные материалы неопровержимо свидетельствуют, что большинство смертных приговоров выносились по политическим мотивам в отношении сторонников красных или тех, кто у них служил. Следовательно, речь идет о политическом терроре.

История военно-полевого суда при штабе Оренбургского военного округа показательна и позволяет составить представление о масштабах и характере белого террора в Оренбуржье, а также об особенностях правоприменительной практики в регионе под властью атамана А. И. Дутова.

Список приговоренных к смертной казни
военно-полевым судом при штабе
Оренбургского военного округа

№	Фамилия, имя, отчество	Обвинение
1.	Алехин ⁷⁴ Петр Андреевич	приказ № 31
2.	Атаков Павел Иванович	большевизм
3.	Афанасьев ⁷⁵ Иван Иванович	большевизм
4.	Бакчеев ⁷⁶ Александр	большевизм
5.	Барабаш ⁷⁷ Марк Демьянович	большевизм
6.	Барсуков ⁷⁸ Дионисий	приказ № 31
7.	Башилов ⁷⁹ Николай	большевизм
8.	Белов ⁸⁰ Максим	
9.	Бетлис ⁸¹ Иван	
10.	Васькин ⁸² Яков Михайлович	
11.	Володин ⁸³ Иван	большевизм
12.	Володин ⁸⁴ Порфирий	большевизм
13.	Воржанцев ⁸⁵ Илья	
14.	Воржанцев Алексей	
15.	Гайдин ⁸⁶ Федор Алексеевич	большевизм

⁷⁴ Казнен 01.12.1918. Также указан в списке 177 расстрелянных белыми в Оренбуржье политзаключенных (ГА РФ. Ф. Р-827. Оп. 11. Д. 124. Л. 1–3 — далее — список 177).

⁷⁵ Также в списке 177.

⁷⁶ Также в списке 177 как Бахчев Александр.

⁷⁷ Убит при попытке побега около 19.10.1918. Фигурирует в списке 177 как Барабош Марк.

⁷⁸ Также в списке 177.

⁷⁹ Также в списке 177.

⁸⁰ Также в списке 177.

⁸¹ Казнен 05.12.1918. Также в списке 177 как Бичелис Иван.

⁸² Казнен 28.11.1918. Также в списке 177.

⁸³ Также в списке 177.

⁸⁴ Также в списке 177.

⁸⁵ Также в списке 177 как Варжанцев Илья.

⁸⁶ Из ст. Верхнеозерной. Казак, 30 лет. По делу о выдаче братьев Михайловых. Казнен до 04.10.1918. Предположительно в списке 177 как Гайден Иван.

16. Глазков⁸⁷ Григорий ..... большевизм
17. Голиков⁸⁸ Иван Егорович ..... большевизм
18. Гурьянов⁸⁹ Андрей Иванович ..... большевизм
19. Гусев⁹⁰ Семен
20. Дикарев⁹¹ Увар
21. Елохин⁹² Кузьма ..... большевизм
22. Есауленко⁹³ Евгений Г.
23. Журавлев⁹⁴ Алексей ..... приказ № 31
24. Загребенюк⁹⁵ Исидор
25. Засорин⁹⁶ Павел ..... приказ № 31
26. Забарко (Зобарко)⁹⁷ Николай М.
27. Иванов⁹⁸ Андрей Иванович ..... большевизм
28. Иванов Василий Константинович
29. Иванов⁹⁹ Дмитрий Кузьмич ..... большевизм
30. Ильин¹⁰⁰ Леонид В.
31. Инкирев¹⁰¹ Афанасий Кириллович ..... большевизм
32. Кадысев¹⁰² Григорий
33. Карпов¹⁰³ Михаил Н.
34. Каширин¹⁰⁴ Дмитрий

---

⁸⁷ Также в списке 177.

⁸⁸ Из ст. Верхнеозерной. Вахмистр, 30 лет. По делу о выдаче братьев Михайловых. Казнен до 04.10.1918. Также в списке 177.

⁸⁹ Также в списке 177.

⁹⁰ Из станицы Воздвиженской. Также в списке 177.

⁹¹ Также в списке 177.

⁹² Также в списке 177 как Елехин К.

⁹³ Также в списке 177.

⁹⁴ Казнен 09.12.1918. Также в списке 177 как Журавлев Алексей.

⁹⁵ Также в списке 177 как Загребанюк Исидор.

⁹⁶ Также в списке 177.

⁹⁷ Также в списке 177. Следователь оренбургской ГубЧК, оставленный в Оренбурге для подпольной работы, бывший рабочий, передавал разведданные через линию фронта красным (*Сайгин Н. И.* В тылу Дутова. С. 25).

⁹⁸ Из ст. Верхнеозерной. Казак, 52 лет. По делу о выдаче братьев Михайловых. Казнен до 04.10.1918. Также в списке 177.

⁹⁹ Из ст. Верхнеозерной. Младший урядник, 40 лет. По делу о выдаче братьев Михайловых. Казнен до 04.10.1918. Также в списке 177.

¹⁰⁰ Также в списке 177.

¹⁰¹ Также в списке 177 как Инкиров Афанасий.

¹⁰² Также в списке 177 как Кадырев Григорий.

¹⁰³ Бежал. Также в списке 177.

¹⁰⁴ Юнкер. Также в списке 177.

35. Кирилов¹⁰⁵ Петр Владимирович ..... большевизм
 36. Ковещиков (Ковешников)¹⁰⁶ Василий
 37. Козонурдин¹⁰⁷ Василий Прокофьевич ..... большевизм
 38. Комлев
 39. Корабельщиков¹⁰⁸ Андрей Никандрович ..... большевизм
 40. Косарев¹⁰⁹ Афанасий Павлович ..... большевизм
 41. Косырев¹¹⁰ Николай Изотович ..... приказ № 31
 42. Кочемасов¹¹¹ Николай ..... приказ № 31
 43. Красильников¹¹² Николай Михайлович ..... большевизм
 44. Кроп¹¹³ Анатолий
 45. Круцких¹¹⁴ Петр
 46. Кулин Иван Егорович ..... приказ № 31
 47. Кучеров¹¹⁵ Искак ..... большевизм
 48. Лабугин¹¹⁶ Николай
 49. Ларин¹¹⁷ Михаил
 50. Лобанов¹¹⁸ Калистрат ..... большевизм
 51. Логинова Анна Тихоновна ..... приказ № 31
 52. Мазин¹¹⁹ Иосиф ..... приказ № 31
 53. Майоров¹²⁰ Павел Дементьевич ..... большевизм
 54. Макаренков¹²¹

¹⁰⁵ Также в списке 177. Рабочий завода «Орлес», 22 лет (Пролетарская революция в гор. Оренбурге 1917 г. Воспоминания участников на вечерах Истпарта. Оренбург, 1927. Вып. 1. С. 82).

¹⁰⁶ Повесился. Также в списке 177 как Кавешников Василий.

¹⁰⁷ Также в списке 177 как Казанурин Василий.

¹⁰⁸ Из ст. Верхнеозерной. Казак, 34 лет. По делу о выдаче братьев Михайловых. Казнен до 04.10.1918. Также в списке 177.

¹⁰⁹ Из ст. Верхнеозерной. Казак, 53 лет. По делу о выдаче братьев Михайловых. Казнен до 04.10.1918. Также в списке 177.

¹¹⁰ Также в списке 177 как Косарев Николай.

¹¹¹ Также в списке 177.

¹¹² Из ст. Верхнеозерной. Казак, 20 лет. По делу о выдаче братьев Михайловых. Казнен до 04.10.1918. Также в списке 177.

¹¹³ Также в списке 177.

¹¹⁴ Из станицы Павловской.

¹¹⁵ Из станицы Воздвиженской. Также в списке 177 как Крутчев Искак.

¹¹⁶ Казнен в январе 1919 г. Также в списке 177.

¹¹⁷ Казнен 05.12.1918. Также в списке 177.

¹¹⁸ Также в списке 177.

¹¹⁹ Также в списке 177.

¹²⁰ Также в списке 177.

¹²¹ Казнен в январе 1919 г.

55. Малиновская¹²² Юлия
 56. Малышев¹²³ Иван Иванович
 57. Марин (Морин) Терентий ..... большевизм
 58. Матковский¹²⁴ Александр Т. 59. .... Мезгин¹²⁵ Михаил
 60. Мелекесов¹²⁶ Александр Федорович ..... большевизм
 61. Меленчук¹²⁷ Трофим Степанович ..... большевизм
 62. Мочачимба¹²⁸ Гок
 63. Нарутдинов¹²⁹ Варретдин
 64. Насыртыянов Фазлетдин
 65. Николаев¹³⁰ Афанасий Яковлевич ..... большевизм
 66. Никонович Осип В.
 67. Новокрещенов¹³¹ Евдоким Владимирович ..... большевизм
 68. Обухов¹³² Василий Степанович (Сергеевич?) ... большевизм
 69. Овсянников¹³³ Василий ..... большевизм
 70. Овчаров¹³⁴ Федор Андреевич ..... большевизм
 71. Павлыгин¹³⁵ Федор
 72. Пащенко¹³⁶ Григорий Данилович ..... приказ № 31
 73. Петров¹³⁷ Иван Павлович
 74. Пилюгин¹³⁸ Василий

¹²² Казнена 05.12.1918. Также в списке 177.

¹²³ Из станицы Воздвиженской. Казнен в начале сентября 1918 г. с П. А. Чекаловым. Также в списке 177.

¹²⁴ Также в списке 177.

¹²⁵ Он же — Есипов Иван (Петр). Казнен 09.12.1918. Вероятно, также в списке 177 как Мазин Михаил.

¹²⁶ Из ст. Верхнеозерной. Казак, 24 лет. По делу о выдаче братьев Михайловых. Казнен до 04.10.1918.

¹²⁷ Также в списке 177.

¹²⁸ Дело передано в следственную комиссию. Также, вероятно, в списке 177 как Боси-Гимба Рок.

¹²⁹ Предположительно также в списке 177 как Насретдинов Хаулетдин.

¹³⁰ Из станицы Воздвиженской. Также в списке 177.

¹³¹ Из ст. Верхнеозерной. Вахмистр, 57 лет. По делу о выдаче братьев Михайловых. Казнен до 04.10.1918. Также в списке 177.

¹³² Из ст. Верхнеозерной. Казак, 37 лет. По делу о выдаче братьев Михайловых. Казнен до 04.10.1918. Также в списке 177.

¹³³ Также в списке 177.

¹³⁴ Также в списке 177.

¹³⁵ Казнен в январе 1919 г. Также в списке 177.

¹³⁶ Казнен 18.12.1918.

¹³⁷ Хорунжий. Также в списке 177. Подробнее см.: Ганин А. В., Семенов В. Г. Указ. соч. С. 438.

¹³⁸ Из станицы Павловской. Также в списке 177.

75. Пловодов ¹³⁹	
76. Повшин ¹⁴⁰ Логин	большевизм
77. Погадаев ¹⁴¹ Афанасий	приказ № 31
78. Погадаев ¹⁴² Иван	приказ № 31
79. Попов ¹⁴³ Григорий	большевизм
80. Поскребышев ¹⁴⁴ Василий	большевизм
81. Поцецуев ¹⁴⁵ Сергей Иванович	большевизм
82. Прокаев ¹⁴⁶ Петр	приказ № 31
83. Пудовкин ¹⁴⁷ Елисей Николаевич	
84. Ровинский Василий Юрьевич	большевизм
85. Рогов ¹⁴⁸ Иван	большевизм или приказ № 31
86. Рогожин ¹⁴⁹ Дмитрий Михайлович	большевизм
87. Сальников ¹⁵⁰ Никита Афанасьевич	приказ № 31
88. Самсонов ¹⁵¹ Михаил Ильич	большевизм
89. Силантьев ¹⁵² Иван Степанович	приказ № 31
90. Смирнов ¹⁵³ Ефим Кузьмич	большевизм
91. Сокушев ¹⁵⁴ Семен Кириллович	большевизм
92. Солдаев Андрей	приказ № 31
93. Соловьева ¹⁵⁵ Людмила Ивановна	
94. Сорокин ¹⁵⁶ Кузьма Мокеевич	большевизм
95. Тайрих ¹⁵⁷ Михаил	приказ № 31

¹³⁹ Из станицы Воздвиженской. Бежал.

¹⁴⁰ Также в списке 177 как Паршин Логин.

¹⁴¹ Также в списке 177 как Погадаев Афанасий.

¹⁴² Также в списке 177 как Погадаев Иван.

¹⁴³ Также в списке 177.

¹⁴⁴ Предположительно также в списке 177 как Паскредов Василий.

¹⁴⁵ Также в списке 177 как Поцецуев Сергей.

¹⁴⁶ Казнен 14.12.1918. Также в списке 177 как Прокиев Петр.

¹⁴⁷ Также в списке 177.

¹⁴⁸ Также в списке 177.

¹⁴⁹ Из ст. Верхнеозерной. Младший урядник, 69 лет. По делу о выдаче братьев Михайловых. Казнен до 04.10.1918. Также в списке 177.

¹⁵⁰ Также в списке 177 как Салтников Никита.

¹⁵¹ Также в списке 177.

¹⁵² Также в списке 177.

¹⁵³ Также в списке 177 как Смирнов-Богданов Е. К.

¹⁵⁴ Также в списке 177.

¹⁵⁵ Также в списке 177.

¹⁵⁶ Также в списке 177.

¹⁵⁷ Он же — Суворов Василий. Казнен 09.12.1918. Также в списке 177 как Суворов-Тайрих Михаил.

96. Тимофеев¹⁵⁸ Денис Васильевич ..... большевизм
 97. Трифонов¹⁵⁹ Николай И. .... большевизм
 98. Усманов¹⁶⁰ Насретдин ..... большевизм
 99. Ушаков¹⁶¹ Николай
 100. Федоров¹⁶² Сидор Васильевич
 101. Федякин Андрей Кондратьевич ..... большевизм
 102. Филиппов Сергей Сергеевич ..... большевизм
 103. Фролов¹⁶³ Александр Иванович ..... большевизм
 104. Хабер¹⁶⁴ Станислав
 105. Ходоровский¹⁶⁵ Бонифатий ..... большевизм
 106. Чекалов¹⁶⁶ Павел А.
 107. Чемодуров¹⁶⁷ Георгий Вениаминович ..... приказ № 31
 108. Чернев¹⁶⁸ Сергей ..... большевизм
 109. Чернов¹⁶⁹ Гурий Зосимович ..... большевизм
 110. Шмулевич¹⁷⁰ Михаил С. .... большевизм
 111. Щепанский¹⁷¹ Андрей
 112. Щепанский¹⁷² Войтик
 113. Ягудин¹⁷³ Нурихан ..... большевизм

Сост. по: РГВА. Ф. 39742. Оп. 1. Д. 5, 7–9.

¹⁵⁸ Также в списке 177.

¹⁵⁹ Телеграфист Орской железной дороги. Приговорен вместе с М. С. Шмулевичем. Предположительно также в списке 177 как Трофимов Николай.

¹⁶⁰ Также в списке 177.

¹⁶¹ Также в списке 177.

¹⁶² Из станицы Воздвиженской.

¹⁶³ Также в списке 177.

¹⁶⁴ Казнен 05.12.1918. Также в списке 177.

¹⁶⁵ Из станицы Воздвиженской.

¹⁶⁶ Из станицы Воздвиженской. Казнен в начале сентября 1918 г. с И. И. Малышевым.

¹⁶⁷ Также в списке 177 как Чемадуров Георгий.

¹⁶⁸ Также в списке 177 как Чернов Сергей.

¹⁶⁹ Также в списке 177.

¹⁷⁰ Телеграфист Орской железной дороги. Приговорен вместе с Н. И. Трифоновым. Также в списке 177 как Шмулевич Михаил.

¹⁷¹ Казнен 05.12.1918. Также в списке 177 как Щепанский Андрей.

¹⁷² Казнен 05.12.1918. Также в списке 177 как Щепанский Войтер.

¹⁷³ Из станицы Воздвиженской.